

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.255

А. В. Малинов

**«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ
СОБСТВЕННО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ»
(из лекций академика А. С. Лаппо-Данилевского)***

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 19034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) «Научные основы социологии в их историческом развитии» предпринимается попытка реконструкции взглядов ученого на актуальные задачи современной ему социологической науки. В своем понимании социологии Лаппо-Данилевский опирался как на учение русских кантианцев (А. И. Введенский), пытавшихся решить проблему «чужого я», так и на традиции немецкого неокантианства (баденской и марбургской школ). Среди «очередных задач социологического построения» он выделял теоретико-познавательное и историческое направления. Теоретико-познавательное направление полнее всего воплотилось в неокантианской социологии. Историческое же направление сближалось с историей культуры и этнографией. Считая гносеологическую интерпретацию социальных явлений наиболее перспективным разделом социологии, в частности, в той версии изучения «чистых форм социации», которая была предложена Г. Зиммелем, Лаппо-Данилевский как профессиональный историк признавал значение исторической социологии. Теоретико-методологическое и историческое направления во многом дублировали то методологическое разделение наук, которое было предложено немецкими неокантианцами. Так, в гносеологическом подходе реализовалась номотетическая точка зрения, а в историческом — идиографическая. В целом, Лаппо-Данилевский придерживался моральной интерпретации социальных отношений. Без признания чужой душевной жизни невозможны ни общественные отношения, ни социальный порядок, но само это признание является результатом принудительной силы «нравственного чувства», относящегося к другому человеку как цели самой по себе, а не только как к средству. Социальный мир, таким образом, оказывается «царством целей», о котором писал еще И. Кант. В статье приводятся выдержки из рукописи Лаппо-Данилевского, позволяющие полнее представить его социологическое наследие. Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: Лаппо-Данилевский, социология, история, неокантианство, деонтология, «чужое я».

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 13-03-00301).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

“THE IMMEDIATE TASKS OF SOCIOLOGICAL CONSTRUCTION PROPER”
(from the lectures by A. S. Lappo-Danilevsky)

A. V. Malinov

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

On the basis of the manuscript *Scientific bases of sociology in their historical development* by Aleksandr Sergeyevich Lappo-Danilevsky (1863-1919), Member of the Academy of Sciences, this article attempts a reconstruction of his views on current problems of contemporary social science. In his understanding of sociology, Lappo-Danilevsky relied on the teachings of Russian Neo-Kantians (A. I. Vvedenskii) trying to resolve the problem of ‘another self’ as well as the tradition of German Neo-Kantians (Baden and Marburg schools).

Among the ‘immediate tasks of sociological construction’ he singled out epistemological and historical trends. The epistemological direction is most fully embodied in neo-Kantian sociology. The historical direction moved closer to cultural history and ethnography. Considering the epistemological interpretation of social phenomena to be the most promising branch of sociology, in particular, the version of the study of “pure forms of sociation” that Georg Simmel had proposed, Lappo-Danilevsky as a professional historian recognized the importance of historical sociology. The epistemological and historical trends in many respects duplicate the methodological separation of the sciences, which had been proposed by German Neo-Kantians. Thus, the epistemological approach adopts a nomothetic point of view, while the historic approach an ideographic one. In general, Lappo-Danilevsky stuck to a moral interpretation of social relations. Without recognition of the psychic life of another person there can be no social relationships or social order, but recognition is the result of the compulsory force of «moral sense», referring to the other person as an end in itself, not only as a means. The social world thus turns out to be the ‘kingdom of ends’ of which Kant wrote. The article quotes from a manuscript of Lappo-Danilevsky, which allows one to form a fuller picture of his sociological heritage. Refs 5.

Keywords: Lappo-Danilevsky, sociology, history, neo-kantianism, deontology, “another self”.

Социологическое наследие академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) нельзя назвать хорошо изученным в отечественной науке. Даже его принадлежность к социологии у многих вызывает сомнение, колеблемое, правда, фактом председательства ученого в Русском социологическом обществе им. М. М. Ковалевского. В 2013 г. в связи с юбилеем историка вышли специально посвященные ему издания, раскрывающие в том числе его социологические взгляды и деятельность по организации социологической науки. Однако до сих пор практически не описанными и не введенными в научный оборот остаются рукописи социологических курсов Лаппо-Данилевского, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113). Это прежде всего два больших курса «О социологии. Курс лекций 1902–1911 г.» [1] и «Научные основы социологии в их историческом развитии. Лекции, читавшиеся в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. 1911–1912» [2]. Большая часть представленных в них материалов — это наброски, конспекты, краткие выписи и заметки, не имеющие цельного характера и не поддающиеся публикации в виде самостоятельного текста.

К чтению лекций по социологии Лаппо-Данилевский подходил главным образом как историк, рассматривая социальные учения с исторической точки зрения, то есть как процесс становления и смены социальных концепций. Именно в этом ключе был построен краткий курс «Научные основы социологии в их историческом развитии», состоящий из трех лекций, прочитанных 10, 17 и 24 ноября 1911 г. в Санкт-Петербургском обществе народных университетов.

Начало курса Лаппо-Данилевский предварял следующим рассуждением:

«Каждый из нас живет в обществе, но не каждый задумывается над тем, что такое общество, какова его природа и каковы законы его строения и развития?

А между тем, помимо *бескорыстного интереса* к истине, то есть к научному познанию общества, каждый из нас *постоянно пользуется* такими понятиями в *ежедневном общении* с себе подобными, при участии в общественной и государственной жизни и т. п. Может ли он, однако, *плодотворно* применять их, не зная точного их смысла, содержания и объема? И не *требует ли разум* каждого из нас такого знания?

Положим, что Вы согласитесь с таким требованием нашего разума; но Вы скажите мне: ведь знание общества уже дается другими науками, например, *правоведением (теорией права, государственным правом и т. п.), историей* <...>, для чего же нам терять время на знакомство с социологией?

В ответ на Ваш вопрос я предлагаю Вам настоящий краткий и вводный курс: *прежде чем отрицать что-либо*, надо знать то, что отрицаешь. Попробуем хотя бы в самых общих чертах познать основные задачи той науки, которая стремится дать общее учение об обществе: она рассуждает о его природе, о его строении и развитии и, таким образом, *пытается установить и привести в систему* те положения, которые выходят за *пределы биологии и психологии* и скорее *предполагаются*, чем обосновываются в более специальных общественных науках, каждая из которых имеет в виду лишь *некоторые из них*.

Задача последующего изложения:

1) *вкратце указать на дух и направление важнейших* социологических учений и на то *положение*, какое каждое из них занимает в развитии социологии, а не входить в подробное изложение всех основоположений и выводов» [2, л. 4–7].

На этом текст введения обрывается. В нем, как видно, Лаппо-Данилевский указывает на значение знаний об обществе, в том числе и для нашей повседневной жизни, состоящей, казалось бы, из регулярно повторяющихся фактов и наполненных очевидными данностями сознания. Однако понимание социальной жизни для обыденного сознания оказывается не столь очевидным. Даже многообразие социальных наук не способно полностью покрыть те вопросы, которые возникают перед индивидом в обществе. На эту роль претендует социология. С одной стороны, она воспринимается как одна из социальных наук, но, с другой стороны, рассчитывает выступить в качестве интегрирующей науки, синтезирующей достижения прочих социальных дисциплин.

Завершался курс лекций «Научные основы социологии в их историческом развитии» разделом «Очередные задачи собственно социологического построения». В рукописи материалы этого раздела представлены в краткой, даже порой тезисной форме. Тем не менее они воспринимаются как вполне целостный текст, чем выгодно отличаются от большинства других разделов курса, и могут быть воспроизведены практически без изменений и существенных дополнений.

«I. Теоретико-познавательное направление

Теория познания выясняет *принципы*, логически обуславливающие самую возможность познания данного рода объектов, в частности, принципы или «общезначимые условия» познания *социальных явлений*.

С такой точки зрения она получает существенное значение для построения и социальной *статики* и социальной *динамики*.

1) *принцип признания* «чужого я» лежит в основе социальной статики и динамики.

2) *принцип формы* — в основе социальной статики.

3) принцип абсолютной цели ставится некоторыми в основу динамики (то есть прогрессивного развития).

1) Проблема “чужого я”

Юм уже затронул принцип признания чужого я.

Постановка проблемы

На каком основании я признаю другого одушевленным?

Ведь чужая одушевленность мне не дана эмпирически, в опыте, в качестве таковой; я воспринимаю только механические действия другого, его движения, сотрясения воздуха, производимые им, воздействия, оказываемые им на мое тело, и т. п.

На каком основании я представляю одушевленность под такой механизм, не считаю его только машиной?

А между тем, в каждом акте социального общения я уже исхожу из представления об одушевленности того, с кем я вступаю в взаимодействие, я мыслю его субъектом, и лишь под условием такого понятия я вхожу в такое социальное общение с ним, в какое я не входил бы, если бы считал его только вещью?

Решение проблемы

1) или в отрицательном смысле (разумеется, в теоретико-познавательном) нет оснований для признания чужого я (солипсизм).

2) или в положительном смысле

а) теоретическом: аа) конститутивном

я не могу мыслить себя субъектом вне моего отношения к другим субъектам, значит, самый акт самосознания уже включает сознание других. Ср[авни] Кант, Шуппе, Шуберт, Сольдерн, Коген.

bb) реляционном — гипотеза (Авенариус, Зиммель).

б) практическом

с нравственной точки зрения я должен смотреть на другого как на самоцель, а не как на средство, иначе я буду поступать безнравственно: я буду обращаться с ним как с вещью (ср[авни] рабство).

Но такое нравственное требование моего сознания уже включает признание “чужого я”, его одушевленности и т. п. Кант, Фихте, Введенский.

Принцип признания чужого я лежит в основе социальной статики: социальное отношение не возникает в том случае, если субъект (я) — действует на другой субъект только как на объект-вещь. Например, в том случае, если ученый медик экспериментирует над своим пациентом, как над физиологическим явлением, или ученый судья оперирует над обвиняемым, как над отвлеченным казусом, подводящим под обобщения психопатологи.

В сущности принцип признания чужой одушевленности лежит в основе сознания принадлежности своей к данной социальной группе, к семье, племени, народу; или к какому-либо обществу, корпорации, сословию, партии и т. п., или к государству, или к группе наций, человечеству, союзу государств и т. п.

Психологическое и конкретное приложение того же принципа (едва ли опознанного в его теоретико-познавательном значении) можно встретить у Гиддингса с его учением о сознании рода.

2) Принцип формы

Всякое понятие состоит из формы, то есть общезначимых условий познания, и его содержания (материи).

В понятии об обществе следует различать его форму, то есть “*внешнее регулирование*”, правило, норму, под условием (в логическом смысле) которых люди вступают в общение, и его содержание, то есть “*совместную деятельность людей, направленную к удовлетворению их потребностей*” (Штаммлер).

3) Принцип абсолютной цели

Систематическое единство моего сознания обнаруживается в двух направлениях:

в единстве познания;

в единстве воли;

понятие о таком единстве — воли есть *руководящая идея* (регул[ативный] принцип), служащая для объединения нашей деятельности.

Но систематическое, то есть безусловное или абсолютное, единство воли, с точки зрения которого мы и *объединяем* нашу деятельность, возможно лишь под условием такой же безусловной или абсолютной цели, а абсолютная цель — только и может быть безусловно-должной или безусловно-нравственной; всякая другая — уже относительна, более или менее случайна; значит, абсолютная, безусловно-нравственная цель должна определять и человеческое развитие, его направление, его *законосообразность*: прогресс и состоит том, что люди все яснее сознают такую цель и все с большею последовательностью стремятся к ее осуществлению.

Таким образом, общество все более проникается сознанием одной абсолютной цели, *общей* всем его членам, и все более становятся общностью воли.

Конечная идеальная цель социального развития есть “общество свободно хотящих людей, в котором всякий считает своими объективно-правомерные цели другого”.

Люди стремятся к достижению этого идеала, обуславливающего телеологически-законосообразное прогрессивное развитие их деятельности.

“Чистая социология” = абстрактная.

Социология, по словам Л. Уорда, — наука *абстрактная*: она изучает “явления и законы общества как такового”.

Конт уже зачислил социологию в группу “*абстрактных*” наук, но в V–VI тт. своего курса не удержался на такой точке зрения.

Абстрактная социология

Абстрактная социология исходит из различения между *социальной формой* и ее *содержанием*.

С такой точки зрения можно различать *основную форму* — “*обобществление*” (*Vergesellschaftung*) или то “*единство*”, какое возникает в совокупности элементов благодаря их взаимодействию, то есть потому, что каждый действует на других и, в свою очередь, испытывает на себе их действия и *основное содержание* — то есть те *реальные интересы*, под влиянием которых люди образуют такое единство (общество), обуславливающее их осуществление.

Такие интересы могут быть чувственными или идеальными, сознательными или бессознательными, действующими в причинно-следственном или в телеологическом смысле (движения — то же содержание соц[иальной] формы).

Основные формы *обобществления* представляются нам в самых разнообразных *формах взаимодействия*, например,

Подчинении
Конкуренции
Подражании
Разделении труда
Образовании партий
представительств и т. п.

Одна и та же социальная форма может быть, однако, заполнена весьма *разнообразным содержанием*: подчинение, например, можно наблюдать

И в семье
И в государстве
И в религиозной общине
И в промышленном товариществе
И в школе
И в каком-либо тайном обществе заговорщиков и т. п.

Социология и есть *абстрактная наука*, изучающая “*чистые формы обобществления*”, отвлекая их от того частного содержания, которое в данном случае заполняет их, то есть рассматривая их в той мере, в какой каждая из них может *вместить в себя самые разнообразные содержания*.

С такой точки зрения, например, абстрактная социология изучает, положим, *конкуренцию* как *чистую форму* человеческих отношений; она исследует, при каких условиях конкуренция возникает, как она развивается, как она видоизменяется в зависимости от конкретного ее содержания, при каких обстоятельствах, то есть каком общественном порядке, мерах и т. п., она усиливается или ослабевает, в чем состоит отличие конкуренции между отдельными индивидуумами и конкуренции между целыми общ[ественными] группами и т. п.

В числе “социальных форм” можно было бы, пожалуй, рассматривать и “*социальное принуждение*” (*contrainte sociale*); некоторые социологи полагают понятие о нем в основу понятия о социологии, социальном явлении и т. п., хотя едва ли вполне сознают *формальный* его характер, и, наоборот, готовы придать своей социологии значение “*объективной*” науки в “положительном смысле” (*Durkheim*).

III. Историческое направление в социологии

Социология получает *собственно исторический* характер в том случае, если она изучает социальные явления (социальную статику и динамику) с *индивидуализирующей*, а не обобщающей точки зрения, то есть в зависимости их от *данных в действительности условий места и времени*, а также в зависимости от *данной индивидуальности*, воздействующей на то целое, к которому она принадлежит.

С такой точки зрения социология получает исторический характер и сближается с *исторической этнографией*; она рассматривает данный продукт культуры не изолированно от остальных, а *вставляя* его в данную культуру, она полагает, что многие продукты культуры возникают в разных социальных группах *не параллельно*, повторяясь под влиянием одинаковых условий, а *путем заимствования* или перенесения из одной группы в другую; в частности, и *влияние европейской культуры* на упадок прежнего мировоззрения и быта дикарей. Она интересуется *областью культуры* (*Kulturkreis*), возникшей при данных местных условиях *исторически сложившейся*, и ее распространение на *другие* социальные группы, она

изучает и *слои культуры*, образующиеся благодаря проникновению новой культуры в такие группы, где она прикрывает старую и т. п.

Ратцель придерживался такого направления в своей антропogeографии.

Graebner в последнее время старался выяснить пределы области *океанической культуры* и ее *слоев*: он различает в Южном море (вместе с Австралией) 5 различных слоев культуры; он полагает, что один из ее видов (*melanesische*, “*Bogenkultur*”) распространился на некоторые части Азии и Америки, вообще близких к Тихому океану, и приходит к заключению, что этот тип есть *четвертый* слой океанической культуры.

Приверженцы историко-социологического направления стремятся изучить *индивидуальные особенности* данной культуры или ее *элементов*, изучая *мифы*, например, они интересуются не только его типом, но и единичными вариантами. Изучая религии, исследуют, в какой мере религиозные представления в пределах данного племени дифференцировались, изучают *личности* кудесника или жреца в ее целом, ее индивидуальное развитие, степень его собственной убежденности, основание его именно авторитета и т. п.» [2, л. 429–446].

Занятие социологией было для Лаппо-Данилевского продолжением и, так сказать, развитием его методолого-исторических исследований. Материалы и выводы, полученные в результате разработки теоретических и методологических проблем историографии, требовали выхода на новый уровень обобщений, которому историческая наука уже не удовлетворяла. Социология как раз и позволяла Лаппо-Данилевскому занять такую метапозицию по отношению к истории и тем самым дать научное обоснование историографии. Впрочем, Лаппо-Данилевский, вероятно, не собирался останавливаться на социологии. Изучение социологии, прежде всего с точки зрения раскрытия сменявших в ней друг друга социальных теорий, должно было послужить формулированию «теории обществоведения». К сожалению, ученый не успел подробно наметить общие контуры такой теории. Ясно лишь, что изучение методов исторического познания и реконструкции, анализа исторических источников и явлений поставляло «материал», «первичный слой» значений, понятий, предварительных обобщений и концептов для создания «теории обществоведения».

Одним из главных принципов как методолого-исторической, так и социологической концепции Лаппо-Данилевского было признание чужой душевной жизни, означавшее опровержение крайних форм солипсизма. В «Методологии истории» и ряде других произведений Лаппо-Данилевский обращался к этой проблематике [3, 4]. Надо заметить, что вопрос объективности «чужого я» активно обсуждался в русской философии в конце XIX в. Поводом, возбудившим этот вопрос, стала публикация в 1892 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а затем и отдельным изданием работы А. И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психофизический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». С критикой А. И. Введенского выступили, главным образом, московские философы (С. Н. Трубецкой, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин, П. Е. Астафьев) и в мягкой форме — Э. Л. Радлов. Позднее к полемике подключились петербургские ученики и коллеги А. И. Введенского — Н. О. Лосский, С. А. Алексеев-Аскольдов и И. И. Лапшин. Последний из них был и активным участником методологических «семинариев» Лаппо-Данилевского. В последующих работах А. И. Введенский

неоднократно возвращался к формулировке своего учения, продолжавшего, как отмечал и Лаппо-Данилевский, линию И. Канта. Возможность преодоления солипсизма он видел в нудительной силе «нравственного чувства» [5, с. 73–128]. Лаппо-Данилевский, в то время еще только совершавший первые самостоятельные шаги на поприще научной деятельности, вероятно, следил за ходом дискуссии и не считал спор законченным, а проблему «чужого я» — разрешенной. Эта полемика показала Лаппо-Данилевскому всю важность решения вопроса о чужой душевной жизни для того философского контекста, в пределах которого пытался определиться со своими теоретическими предпочтениями он сам.

То большое внимание, которое Лаппо-Данилевский уделял проблеме «чужого я» и в «Методологии истории», и в лекциях по социологии, показывает, что в своем социологическом учении он исходил из принципа социального атомизма. Социологические взгляды Лаппо-Данилевского отчасти были имплицированы социально-философскими теориями XVII–XVIII вв., которым был посвящен ряд его специальных исторических исследований о влиянии западноевропейских политических и философских учений на русскую мысль. Согласно разделяемой им точке зрения, изначально существуют только индивидуальные сознания («я»), способность которых проявляться, действовать во внешне мире называется волей. Социальный мир, таким образом, понимается как взаимодействие индивидуальных волей. Направление действия воли определяется целью, которую выбирает «я». Соответственно, и общество, как совокупность волей, тоже должно иметь цель, общую для всех индивидов. В противном случае мы не можем говорить об обществе как едином целом, а лишь о сумме индивидуальных волей. Но если мы знаем, что существует семья, сословие, народ, государство, то, значит, есть такое единство, объединяемое общими для них целями. Общая (абсолютная) цель объединяет индивидуальные воли. Это уже не конфликт волей по сценарию «войны всех против всех», а соединение волевых усилий ради общей цели. В идеале для Лаппо-Данилевского такой целью должна быть «безусловно-нравственная цель». Здесь Лаппо-Данилевский присоединялся к тому социально-нравственному учению, которое было предложено И. Кантом и возобновлено А. И. Введенским. Вероятно, Лаппо-Данилевский был также склонен относить социальную жизнь к области телеологических процессов. Признание существования «чужого я» влечет и признание социальных институтов. Этическое преодоление солипсизма означает, что общество регулируется нормами и моральными правилами. Реальность общества деонтологична.

Приведенный фрагмент из «Научных основ социологии» позволяет выявить и те социологические концепции, на которые ориентировался Лаппо-Данилевский. В тексте он называет Э. Дюркгейма, фактически воспроизводя его определение «социального факта». Упоминание Л. Уорда и О. Конта не носит принципиального характера. О. Конту в лекциях был отведен отдельный раздел, а Л. Уорд рассматривался также в специальном разделе о психологическом направлении в социологии. Гораздо существеннее для Лаппо-Данилевского было учение Г. Зиммеля о «чистых формах социации» и социологии как теории познания социальных наук. При этом Г. Зиммель в дошедшем до нас фрагменте не упоминается. «Методология истории» Лаппо-Данилевского показывает его близость к философско-историческим поискам баденской школы неокантианства. В «Методологии истории» русский историк, в частности, писал об «аксиологическом анализе», абсолютных и общепризнан-

ных ценностях, идиографическом и номотетическом подходах как необходимых концептах исторического познания. Однако в лекциях по истории социологии эти сюжеты отсутствуют. Наоборот, создается впечатление, что ученый здесь отчасти следует линии, намеченной марбургской школой неокантианства. Так, он говорит не об обществе, а о «понятии общества», его форме и содержании, способах построения такого понятия. С этой точки зрения он подходит и к интерпретации зиммелевских «чистых форм обобществления».

К основным задачам социологического построения Лаппо-Данилевский относил и историческую социологию, точнее «историческое направление». Историческая социология в истолковании русского ученого также выглядела продуктом немецкого неокантианства. Она означала индивидуализацию социального процесса, конкретизацию социальной жизни. В то же время Лаппо-Данилевский фактически отождествлял историческое направление в социологии с историей культуры.

Разбирая рукописи Лаппо-Данилевского, поражаешься объему подготовительных материалов и тому количеству времени и сил, которые ученый затратил на подготовку лишь трех лекций по истории социологии. Материалы этих трех лекций составляют более четырех сотен листов различных выписок, конспектов и заметок. Закончить статью я предлагаю теми словами, которые Лаппо-Данилевский привел в завершение своих публичных лекций 24 ноября 1911 г.

«Время, которым мы располагаем, к сожалению, на исходе и мне приходится заканчивать свои беседы с вами; я заканчиваю их не без некоторого смущения: тема моих бесед оказалась, может быть, слишком отвлеченной и очень широкой, я много коснулся слишком *поверхностно* и многое *опустил*, да и то, что сказал вам, далеко не всегда *выразил* достаточно ясно и наглядно.

В свое оправдание я могу сказать только, что мои лекции были вызваны искренним желанием хотя бы несколько отозваться на ваш *живой* интерес к научному знанию и по мере сил быть полезным тому великому делу, которое мы исполняем здесь, *делу народного университета*» [2, л. 447].

Литература

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. 467 л.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. 456 л.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб.: Студенческий издательский комитет при историко-филологическом факультете, 1910–1913. Вып. I–II. 799 с.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 96–105.
5. Малинов А. В. «Психофизический закон» А. И. Введенского и его критики // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 73–128.

References

1. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN* [St. Petersburg branch of the RAS Archive]. F. 113. Op. 1. Ed. khr. 331. 467 l. (In Russian)
2. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN* [St. Petersburg branch of the RAS Archive]. F. 113. Op. 1. Ed. khr. 344. 456 l. (In Russian)
3. Lappo-Danilevskii A. S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. St. Petersburg, Studencheskii izdatel'skii komitet pri Istoriko-filologicheskome fakul'tete, 1910–1913 [Student Publishing Committee of the Faculty of History and Philology, 1910–1913]. Issue I–II. 799 p. (In Russian)

4. Lappo-Danilevskii A. S. Obshchee obozrenie (Summa) osnovnykh printsiptov obshchestvovedeniia [General review (Summa) the basic principles of social science]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2013, no. 12, pp. 96–105. (In Russian)

5. Malinov A. V. «Psikhofizicheskii zakon» A. I. Vvedenskogo i ego kritiki [“The psychophysical law” of A. I. Vvedensky and his critics]. *Aleksandr Ivanovich Vvedenskii i ego filosofskaia epokha* [Alexander Vvedensky and his philosophical epoch]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006, pp. 73–128. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор;
a.v.malinov@gmail.com

Malinov Aleksey V. — Doctor of Philosophy, Professor; a.v.malinov@gmail.com